

УДК 070:82+821.162.1

**ПОРТРЕТ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА
В ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКОЙ ПРЕССЕ**

Шабловска-Заремба М.

Главная цель статьи – представить и описать портрет Шолом-Алейхема в польскоязычной еврейской прессе, опубликованной в 1918-1939 годах. Основой для исследования стали печатные издания «Nowy Dziennik» (Краков), «Chwila», «Nasza Opinia» (Львов), «Głos Żydowski», «Nasz Przegląd» (Варшава). Вопросы, связанные с ролью Шолом-Алейхема как создателя театра, обсуждались отдельно. Необходимо было также указать на первые попытки исследовать теоретический дискурс в еврейской прессе о еврейском юморе, дать ему определения и характеристики (Якуб Аппензлак, Герсон Левин и Эльчанан Сеитлин).

Ключевые слова: Шолом-Алейхем, еврейская литература, еврейская пресса на польском языке 1918-1939, Якуб Аппензлак, еврейский юмор, еврейский театр, еврейская литература на польском языке.

**A PORTRAIT OF SHOLEM ALEICHEM
IN THE POLISH-JEWISH PRESS**

Szablowska-Zaremba M.

The main purpose of the article is to present and describe the reception of Sholem Aleichem's portrait in the Polish-language Jewish press published in 1918-1939. The basis is created by such serial publications as "Nowy Dziennik" (Krakow), "Chwila", "Nasza Opinia" (Lviv), "Głos Żydowski", "Nasz Przegląd" (Warsaw). The aspects connected with the role of Sholem Aleichem as a theatre creator were discussed separately. It was important to point out the first attempts to research a theoretical discourse in the Jewish press about the Jewish humour to give the definition and characteristics (Jakub Appenzlak, Gerszon Lewin and Elchanan Cejtlin).

Keywords: Sholem Aleichem, Jewish Press in Polish 1918-1939, Jewish literature, Jakub Appenzlak, Jewish humour, Jewish theatre, Jewish literature in Polish.

Польско-еврейская пресса в 1918-1939 гг.

Двадцатилетие между мировыми войнами можно назвать золотым веком польско-еврейской прессы. В начале XX века, к сожалению, жизнь многих изданий была, как правило, короткая. Среди основных причин такого положения вещей следует отметить две: цензуру и отсутствие денежных средств. Положительный перелом произошёл, когда Польша вновь обрела независимость в 1918 году, в то время на рынке прессы стало появляться большое количество журналов.

Израэль Шайна, осуществивший большую новаторскую библиографическую работу, перечислил в своей «Библиографии еврейских газет и журналов, выпускаемых в свет в 1918-1939 гг. на польском языке» 172 названия [22], а Алина Цала в работе «Еврейские периодические издания и редкие печатные издания на польском языке» – 1115 наименований [6]. Эти цифры свидетельствуют о высокой активности еврейской прессы на польском языке, но большая часть из этих названий не выдерживала на рынке даже двух, трёх лет.

В Польше в 1918-1939 гг. параллельно выходили в свет три главные газеты: «Nowy Dziennik» (Новая Газета) в Кракове (1918-1939), «Chwila» (Время) во Львове (1919-1939) и «Nasz Przegląd» (Наш Обзор) в Варшаве (1923-1939). Рядом с ними появлялись профильные периодические издания, в том числе литературные, такие как: «Opinia» (Мнение) (1933-1935), «Nasza Opinia» (Наше мнение) (1935-1939) или «Ster» (Штурвал) (1937-1938); научно-литературные: «Miesięcznik Literacki» (Литературный ежемесячник) (1930-1935); женские издания, например: «Ewa. Pismo tygodniowe» («Ева. Еженедельная газета») (1928-1933) или «Kobieta Nowa» (Новая женщина) (1932-1933); а также для детей: «Nasza Jutrzenka» (Наша Заря) (1921-1939) и

«Okienko na Świat» (Окошко в мир) (1937-1939). Это лишь примеры названий самых популярных журналов.

Большинство из этих изданий отличалось просионистским характером, и, следовательно, необходимо выяснить, почему их создавали на польском языке. Один из главных редакторов «*Naszego Przeglądu*» Якуб Аппэншляк, подводя итоги десятилетия этой газеты, писал: «Еврейская газета на польском языке – газета людей гордо и открыто провозглашающих свою принадлежность к еврейскому народу, смело осуждающих ложь явного и скрытого антисемитизма, обнаруживающих все насилия против гражданской свободы, выступающих за равенство граждан перед величием Республики!» [1, s. 51].

Редакторы газеты осознавали, что выбор польского языка дает возможность рассказывать о еврейских делах непосредственно польскому читателю. В том же духе ранее высказывался главный редактор краковского «*Nowego Dziennika*». В статье «*Nasz posterunek*» (Наш участок), подводящей итоги десятилетия этого издания, Вильгельм Беркельхаммер указал на цель, ради которой национальные еврейские газеты должны были издаваться параллельно на польском языке. Эти газеты были своего рода трибуной, боровшейся за национальное и гражданское достоинство всех членов еврейской общины, и должны были возвеличить частично потерянный статус еврейской нации, обладающей великим духом и обязанной бороться за свою государственность [21]. Все это было особенно важно, так как языковой барьер для большинства польских читателей являлся непреодолимым.

Следует затронуть ещё один аспект. Одной из главных проблем, стоявших перед сионистами, была необходимость получить поддержку среди еврейского общества. Учитывая, что общество это говорило на нескольких языках, следовало излагать материал таким образом, чтобы быть понятным для ассимилированных собратьев. Провозглашение сионистских лозунгов на польском языке было просто необходимо. Оно было началом возвращения евреев к их собственным традициям и культуре. Польский язык стал важным инструментом для общения как с собственной (еврейской) так и чужой

(польской) сторонами, он помогал воссоздавать полностью осознающего свои стремления нового гражданина, который мечтал поселиться в Палестине. Евгения Прокон-Янец, описывая это явление, воспользовалась метафорой моста, так как аналогичным образом польский язык должен был приблизить два соседних, и так мало знакомых друг с другом, общества [13, s. 78].

Этот вопрос в своём исследовании поднял также Хоне Шмерук, который заявлял: «С помощью нееврейского языкового инструмента, они поддерживали тех польских евреев, для которых польский язык стал в результате процессов модернизации частичным или единственным средством связи. Я должен подчеркнуть, что еврейские издания на польском языке информировали читателей обо всей еврейской культурной полисистеме во всех её языках, включая иврит и идиш» [20, s. 32].

Шолом-Алейхем

Глядя на еврейскую прессу, издававшуюся на польском языке в первой половине XX века, необходимо смотреть на неё как на зеркало своей эпохи. На страницах польскоязычной еврейской прессы постоянно публиковались статьи, описывавшие политическую, социальную, экономическую и культурную ситуацию межвоенного времени. Нас интересует, в частности, именно культурная ситуация, потому, что благодаря ей, возможно рассмотреть функционирование трех литературных сред: еврейской (которая создавалась на идиш и иврите), польско-еврейской и польской. Принципиально важным является изучение того, как еврейские интеллектуалы понимали современную им литературу, чем она для них являлась. Из-за отсутствия языкового барьера некоторые из еврейских журналов стали для польскоязычных читателей наиболее надежным источником информации о еврейской литературной и культурной жизни. В то время вышли в свет переводы произведений таких писателей, как, например Юзефа Опатоши, Эфроима Кагановского, Зусмана Сегаловича и Иехошуа Перле. Необходимо также указать и на произведения классиков, в том числе Шолом-Алейхема, которому и посвящена данная статья.

Среди польских научных исследований следует назвать чрезвычайно тщательное исследование Евгении Прокоп-Янец, касающееся восприятия Шолом-Алейхема в польско-еврейской прессе в 1918-1939 гг. [14, s. 249-265]. Автор обратил внимание на ряд характерных явлений, которые существовали в то время в польско-еврейском пространстве по отношению к творчеству писателя.

Учитывая, что Шолом-Алейхем в настоящее время редко цитируется в Польше, а его книги и статьи, посвященные его жизни и творчеству, практически не выходят в свет, необходимо по-новому взглянуть на личность писателя, открыв его имя современникам. В этом помогут конкретные материалы прессы периода 1917-1939 гг.

В эти годы, в дополнение к периодической печати, произведения Шолом-Алейхема в переводе на польский язык публиковались также в книжных изданиях. Первое из них – «Музыкант». Этот романс из еврейской жизни был опубликован в Варшаве в переводе Хенрика Лева в 1900 г. Второе произведение – «Миллионы!». Этот роман в записках вышел три года спустя в обработке Ежи Охра, и, примерно в это же время, был издан «Мафусалим» в переводе Охра (без даты выпуска). Потом был долгий период молчания до 1925 года, пока в Варшаве не был издан рассказ «Совет» в переводе С. Вагмана и М. Хольцблатта. В варшавской серии «Библиотека еврейских писателей» в 1925 году были опубликованы «Записки коммивояжера» в переводе Якуба Аппеншляка. В серии «Библиотека еврейской молодежи» в Варшаве в 1933 году был издан рассказ «Эсрог. Ведь я сирота!» в переводе Леопольда Файна, а в 1937 году появился последний довоенный перевод на польском языке романа «Мотл, сын Кантора Пейси» (Киев, неизвестный переводчик).

Смех литературного гения

У каждого писателя должны быть два друга. Первый – это талантливый переводчик, а во второй – замечательный критик, одаренный ярким талантом, у которого присутствует выразительный, легкий стиль и острый ум. Эти двое, как провозвестники, провозглашают имя писателя во всем мире.

Первым переводчиком произведений Шолом-Алейхема на польский язык был Генрик Лев – фигура важная для своей аудитории, известная в основном в связи с изданием журнала «*Izraelita*» (Израильтянин). Однако более важным следует признать Якуба Аппеншляка (1894-1950) – публициста, переводчика, литературного критика, писателя, без которого нельзя говорить о восприятии Шолом-Алейхема в Польше.

Этот выдающийся человек совершил настоящую культурную революцию в Польше. Связанный с рядом польско-еврейских газет, в том числе, с такими изданиями как: «*Izraelita*» (Израилитянин), «*Głos Żydowski*» (Еврейский голос), «*Chwila*» (Время), «*Nasz Kurier*» (Наш курьер). На протяжении многих десятилетий он издавал, чтобы еврейский голос был услышан среди польской правящей и художественной элиты, еженедельные и ежедневные газеты. Аппеншляк был человеком образованным, и, прежде всего, неутомимым в своих действиях. Когда польское правительство закрыло одну из газет, он быстро создал другую. Аппеншляк был главным редактором, администратором, но прежде всего, журналистом, для которого писать о литературе являлось своеобразной национальной идеей. Он исследовал все сферы общественной жизни, но любимым предметом, о котором он всегда хотел писать, была литература.

В феврале 1917 года в городе Влоцлавеке был опубликован первый выпуск еженедельной газеты «*Głos Żydowski*». В литературном разделе этой газеты был напечатан критический очерк Аппеншляка под названием «Смех Шолом-Алейхема» [3]. Эта статья была опубликована в пяти эпизодах и стала попыткой определения творчества писателя. Аппеншляк свободно использует любую гиперболизацию в изображении писателя, но, в то же время, стремится к справедливой оценке его произведений. Рассуждение построено вокруг вопросов: почему произведения Шолом-Алейхема развлекают читателей, независимо от их происхождения и религии? Действительно ли еврейская и нееврейская аудитории смеются над одним и тем же? Ответы, которые он предоставляет, простые: Шолом-Алейхем описывает состояние человека

независимо от времени и места, где он находится. Черты характера человеческой природы одинаковы во всем мире, к тому же литературное мастерство отличает автора от других еврейских писателей и позволяет поставить в один ряд, например, с Шекспиром или Марком Твенном. Однако смех еврейского читателя – это не смех англичанина, потому что смех, считает Аппеншляк, по своей природе – феномен национальный, в том смысле, что он вытекает из тех культурных знаков, которые может расшифровывать только человек, выросший среди них. Почему же тогда Шолом-Алейхем был настолько любим еврейской аудиторией?

У Аппеншляка нет сомнений, когда он пишет: «И Шолом-Алейхем, пожалуй, самый любимый писатель нашего народа, никогда этого народа не покинул. Он с ним всегда и везде, сопровождает его в радостях, горестях, эмиграциях, скитаниях по всем сторонам мира. Душа Шолом-Алейхема живёт среди самых бедных и наиболее обездоленных, а также среди тех, кто богат и силен, но кто разделяет со всем народом одну, большую, общую душу, одно общее, исконное страдание [4, s. 9].»

Для Аппеншляка Шолом-Алейхем является символом иудаизма, истинного и незапятнанного идеологией ассимиляции. Писатель отождествляет также идеалы самого Аппеншляка, которыми тот пропитался в молодости. Шолом-Алейхем в своем творчестве черпает самое ценное – народную традицию, воображения простого человека, его образ мыслей, и шлифует все это как алмаз, пропуская через него яркий луч – надежду на лучшее будущее и жизнерадостность. Аппеншляк всегда будет видеть в писателе эту тоску по источнику правды, который находится в простой душе бедняка без собственной родины. Свою статью, немного сокращенную, Аппеншляк вновь напечатал вновь в «Новой Газет» и в «Новом Курьере» – двух газетах, которые выходили в свет в Варшаве в 1919 году, и с которыми он был тесно связан. В 1925 году в издательской серии «Biblioteka Pisarzy Żydowskich» (Библиотека еврейских писателей) в Варшаве появились «Notatki komiwojażera» (Записки коммивояжера). Эта книга была опубликована ещё раз в 1958 году с введением

известного польского писателя Ярослава Ивашкевича. В 1933 году в «Нашем обзоре» Аппеншляк опубликовал статью «Шолом-Алейхем по случаю 50-летия творчества», которую начал уже новыми словами: «В еврейском обществе до сих пор ни разу не провели так необходимого литературного плебисцита на тему: "Какой из писателей пользуется самой большой популярностью и любовью среди читателей?" Это объясняется тем, что такой проблемы просто не существует и результат плебисцита известен заранее. Наиболее популярный, наиболее любимый писатель – Шолом-Алейхем» [2, s. 17].

Приблизительно к 1925 году в польско-еврейской прессе регулярно появляются статьи о писателе и печатаются его произведения. Позже, публикуются лишь очерки, связанные с очередными годовщинами смерти, но были и такие годы, когда отсутствовало даже небольшое упоминание о писателе. Только в начале 30-х годов вновь начинают появляться статьи о писателе и публикуются многие его произведения, предназначенные для молодых читателей. Как же был представлен сам писатель на страницах периодики? Всегда как гений, несравнимый ни с каким другим еврейским писателем. О его творчестве пишут важные в польско-еврейском пространстве фигуры, такие как Игнатий Шиппер [18; 19], Моисей Канфер [10; 11] и Рахиль Ауэрбах [5, s. 6].

Статья Ауэрбах на фоне других отличается двумя вещами. Во-первых, автор пытается добавить новые значения к довольно упрощенному портрету писателя, и, следовательно, видит в нём предшественника, который описывает еврейскую жизнь в Америке. Во-вторых, Ауэрбах делает Шолом-Алейхема частью еврейской традиции, но использует определения, принадлежащие к нееврейскому миру. Она назвала его сначала «Еврейским Диккенсом», а затем «Еврейским Сервантесом». Героев Шолом-Алейхема Ауэрбах сравнила с персонажами созданными Чарли Чаплином. Что на самом деле она ценит в писателе, так это язык, а точнее, способность вести бесконечные рассказы о еврейской жизни.

К сожалению, когда мы смотрим на другие очерки, касающиеся Шолом-Алейхема, то видим, что они основаны на схеме: гений – юморист – защитник простого человека. Поэтому портрет писателя получается не очень интересным, как будто для журналистов или критиков важно было, лишь бы читатель узнавал Шолом-Алейхема по надежным стереотипным определениям и не входил в более глубокие анализы.

Для более полного описания, стоит напомнить ещё воспоминания, которые появились в 1938 г. в «Нашем Обзоре». Это были переводы сочинений Эльхана Цейтлина и Гершона Левина. Их тексты полны анекдотов, смешных историй, из которых вырисовывается картина мудрого человека, полного внутренней задумчивости над миром и судьбой людей, человека, который шутит, но в то же время беспокоится о жизни соотечественников на Украине и в России. Левин считает, что воспоминания были опубликованы по той причине, что современный ему мир преподносился как мрачный и печальный. А воспоминания о радостном Шолом-Алейхеме должны были стать противоядием зла, присущего окружающей действительности.

Так же стоит вспомнить еще одного критика – Лазаря Шахтера и две его статьи о «Шолом-Алейхеме». Первая из них была напечатана в 1936 году во Львове, в издании «Наше мнение» [15, s. 10-11]. «Сочным юмором и анекдотом он окутал меланхолию и бросил новый лозунг – смеяться! Потому, что смех – это здоровье. Шолом-Алейхем освободил гетто, свой народ от продолжавшейся много поколений строгости и меланхолии, от дурных снов, и велел смеяться, так как смех делает человека более хорошим, более самоуверенным, более возвышенным» [15, s. 10-11].

Не менее интересным является тот факт, что, три года спустя, Шахтер издал в еженедельнике для детей и молодежи «Окошко в мир» очередную статью о писателе, и, хотя она начиналась другими словами [16, s. 3], он сразу добавил в свой текст фрагменты статьи, предназначенной ранее для взрослых. Этот приём свидетельствует о том, что часть критиков не

обращала внимания на то, кем являются читатели Шолом-Алейхема. Каждому из них следовало показать такой портрет писателя, какой уже был написан.

Шолом-Алейхем и театр

На страницах польско-еврейской прессы мы находим высказывания театральных критиков и театроведов о состоянии еврейского театра в Польше в 1918-1939 гг. Иногда поводом для конкретных оценок были постановки конкретных драм, в том числе произведений Шолом-Алейхема. Примером может служить статья М. Гольдштейна «О еврейском театре», которая была напечатана в «Еврейской мысли» в 1917 году, и в которой автор поставил тезис о том, что еврейский театр может защитить от падения только репертуар Шолом-Алейхема, Шолом-Аша и Иццока Лейба Переца. Автор приходит к выводу о том, что, к сожалению, ни одна из театральных групп не захотела заниматься пьесами этих авторов, так как они требуют хорошо подготовленных актёров, и даже более образованной аудитории среди зрителей [7, s. 6-7].

Чаще всего на подмостках еврейских театров играли постановку «Тевье-молочник», в том числе Еврейский театр в Кракове [12, s. 6] и группа Мориса Шварца [23, s. 9]. Следует, однако, вспомнить постановки других произведений – таких как «Сокровища» театром «Хабима» [17, s. 7-10], «Разбросанные и рассеянные» театром труппы Вильнюса [9, s. 3] и «200000» театром «Новинка» из Варшавы [8, s. 5]. Для критиков и зрителей драмы Шолом-Алейхема уже тогда были классическими, они выступали в качестве представителей еврейского театрального искусства в мире. Даже в случае, если какая-нибудь сценическая идея подверглась критике со стороны зрителей и журналистов, упрёк всегда был направлен в сторону режиссера или хореографа, но никогда против самой пьесы и её автора.

Также в пространстве театра Шолом-Алейхема считали гением, который, достигая вглубь еврейской традиции и еврейского фольклора, вывел суть состояния человеческой судьбы и народа. Писателя особенно ценили за язык и стиль, за то, что он умел построить напряженность между сценическим движением и словом, и, прежде всего, за мастер-монологи, которые раскрывали

душу персонажей, и которые, кроме того, позволяли актёрам показать свое актёрское мастерство. Шолом-Алейхем был человеком театра, поэтому, создавая произведения, думал не только о зрителе, но и об актёре, о его работе, мастерстве, сценических возможностях. Может быть, такое понимание театра привело к тому, что писатель был высоко оценён профессиональными актёрами и критиками.

Подводя итог, следует сказать, что когда два года назад мы задумали проект книги, которая включала, среди прочих, опубликованные в межвоенной польско-еврейской прессе рассказы Ицхока Лейба Переца, мы даже не предполагали, каким будем располагать богатым материалом. Нам удалось совместно с доктором Агнешкой Жулкевской из Еврейского исторического института в 2015 году к столетию смерти Переца опубликовать книгу коротких рассказов писателя: «*Dusza. Legendy, bajki i opowiadania*» (Warszawa: Żydowski Instytut Historyczny, 2015. 256 s.). Это издание вызвало большой интерес, а тираж почти полностью был распродан.

Если бы мы сегодня пожелали издать подобную коллекцию произведений Шолом-Алейхема, то, к сожалению, это было бы сделать крайне затруднительно. Несмотря на очевидный талант автора и его популярность, редакторы газет редко публиковали его произведения. Почему? У еврейских интеллектуалов того времени отношение к Перцу и Шолом-Алейхему было схожее, но не одинаковое. Сначала они рассматривали обоих классиков как источник еврейской традиции, но потом оказалось, что в этих сочинениях нет необходимых элементов, которые подходили бы к сионистским идеям. По этой причине Шолом-Алейхем в 30-х гг. XX века стал главным автором произведений для детей. Он прекрасно описывал еврейские обычаи и праздники, поэтому из его творчества черпали горстями, что и сделало его рассказы популярными, ведь они стали связующим звеном между старым и молодым поколением евреев.

Сегодня Шолом-Алейхем для польского читателя это, главным образом, сценарист фильма «Скрипач на крыше». Во многих польских театрах

появляются очередные постановки «Тевье-молочника» и они всегда вызывают большой интерес у зрителей и критиков. Лишь изредка публикуются произведения Шолом-Алейхема в современной польско-еврейской печати: в «Еврейском слове», в «Мидраше», их можно найти в уже несуществующем «Цвишне».

Очевидно, что стоит позаботиться о том, чтобы польский читатель смог заново открыть для себя сочинения Шолом-Алейхема, который кроме желания развеселить, в действительности, передал нам определенную систему этических ценностей, которые не стареют. Произведения этого удивительного писателя подчеркивают непреходящую ценность человеческого существования, а оно, как известно, полно радости и страдания, и постоянно заставляет нас задавать себе вопрос: куда ты идешь, человек, и кем ты хочешь быть?

Список литературы:

1. Appenszlak J. Dziesięciolecie „Naszego Przeglądu” / Jakub Appenszlak // Rocznik Naszego Przeglądu. Warszawa: Spółdzielnia Wydawnicza „Unia”, 1934.
2. Appenszlak J. Szolem-Alejchem. Z okazji 50-lecia twórczości Szolem Alejchem / Jakub Appenszlak // Nasz Przegląd. Warszawa: Spółdzielnia Wydawnicza „Unia”, 1933. Nr 352.
3. Appenszlak J. Śmiech Szolema Alejchem / Jakub Appenszlak // Głos Żydowski. Warszawa, 1917. Nr 1-5.
4. Appenszlak J. Śmiech Szolema Alejchem / Jakub Appenszlak // Głos Żydowski. Warszawa, 1917. Nr 3.
5. Auerbach R. Genialny gawędziarz (w 17-rocznicę śmierci Szalom Alejchem) / Rachela Auerbach // Opinia. Warszawa: Wydawnictwo „Hajnt”, 1933. Nr 17.
6. Cała A. Żydowskie periodyki i druki okazjonalne w języku polskim / Alina Cała. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 2005.
7. Goldsztajn M. O teatrze żydowskim // Myśli Żydowskiej. Lublin, 1917. Nr 21.

8. J.A. [Jakub Appenszlak]. 200000 Szaloma Alejchema // *Nasz Przegląd*. Warszawa: Spółdzielnia Wydawnicza „Unia”, 1930. Nr 249.
9. J.A. [Jakub Appenszlak]. Teatr Trupy Wileńskiej Rozproszeni i rozsiani Szalom Alejchem // *Dziennik Nowy*. Warszawa: Wydawnictwo Dziennik Nowy, 1919. Nr 4.
10. Kanfer M. Szalom Alejchem w 20-lecie śmierci / Mojżesz Kanfer // *Nowy Dziennik*. Kraków: Spółka Wydawnicza „Nowy Dziennik”, 1936. Nr 157.
11. Kanfer M. W 15-lecie śmierci Szaloma Alejchema / Mojżesz Kanfer // *Nowy Dziennik*. Kraków: Spółka Wydawnicza „Nowy Dziennik”, 1931. Nr 133.
12. M.K. [Mojżesz Kanfer]. Towie Mleczarz w Teatrze Żydowskim // *Nowy Dziennik*. Kraków: Spółka Wydawnicza „Nowy Dziennik”, 1927. Nr 8.
13. Prokop-Janiec E. Międzywojenna literatura polsko-żydowska jako zjawisko kulturowe i artystyczne / Eugenia Prokop-Janiec. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 1992.
14. Prokop-Janiec E. Szolem Alejchem i publiczność polsko-żydowska // *Pogranicze polsko-żydowskie. Topografie i teksty* / Red. Eugenia Prokop-Janiec. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2013. S. 249-265.
15. Schächner L. Szalom Alejchem // *Nasza Opinia*. Warszawa: Wydawnictwo „Hajnt”, 1936. Nr 46/173. S. 10-11.
16. Schächner L. Szolem Alejchem [w 80 rocznicę urodzin] /Lazar Schächner // *Okienko na Świat*. Kraków: dr Henryka Fromowicz-Stillerowa, 1939. Nr 12/49.
17. Schipper I. O nowej twórczości Habimy (Skarb Szaloma Alejchema) / Ignacy Schipper // *Naród: Wydawnictwo „Naród”*, 1928. Nr 12. S. 7-10.
18. Schipper I. Szalom Alejchem w 50-tą rocznicę / Ignacy Schipper // *Opinia*. Warszawa: Wydawnictwo „Hajnt”, 1933. Nr 45.
19. Schipper I. Szolem Alejchem na stole operacyjnym / Ignacy Schipper // *Nasz Przegląd*. Warszawa: Spółdzielnia Wydawnicza „Unia”, 1937. Nr 331.
20. Shmeruk Ch. Hebrajska-jidysz-polska trójjęzyczna kultura żydowska, transl. M.onikaAdamczyk-Garbowska/ Chone Shmeruk // *Cwiszn = Pomiędzy*.

Żydowski kwartalnik o literaturze i sztuce. Warszawa: Fundacja Shalom, 2011. Nr 1-2.

21. Szablowska-Zaremba M. Polsko-żydowskie kontakty kulturalne w krakowskim „Nowym Dzienniku” 1918-1939 / Monika Szablowska-Zaremba / Galicia, Bukovina and Other Borderlands in Eastern and Central Europe. Essays on Interethnic Contacts and Multiculturalism, Jews and Slavs / Ed. by Wolf Moskovich, Roman Mnich and Renata Tarasiuk, Jerusalem-Siedlce, 2013. Vol. 23. P. 354-370.

22. Szajn I. Bibliografii dzienników i czasopism żydowskich wydawanych w latach 1918-1939 w języku polskim/ Izrael Szajn // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. Warszawa: Żydowski Instytut Historyczny, 1971. Nr 2, S. 105-112.

23. Weinstock L. Zespół Morisa Schwarza Towje Mleczarz Szaloma Alejchemy / Leon Weinstock // Chwila. Lwów: Spółka Wydawnicza „Chwila”, 1936. Nr 6172.

Сведения об авторе:

Шабловска-Заремба Моника – доктор гуманитарных наук (PhD), доцент кафедры польской филологии гуманитарного факультета Люблинского католического университета им. Иоанна Павла II (Люблин, Польша).

Data about the author:

Szablowska-Zaremba Monika – Doctor of Human Sciences (PhD), Assistant Professor of Polish Studies Department, Faculty of Humanities, John Paul II Catholic University of Lublin (Lublin, Poland).

E-mail: mzaremba@kul.pl.